

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.58>

Кузнецова Елена Валерьевна

[Функционирование молодежного сленга в оригинале романа Энтони Бёрджесса "Заводной апельсин" и его переводах на русский язык](#)

Данное исследование основано на романе Энтони Бёрджесса "Заводной апельсин", написанном в 1962 году. Цель исследования - составить на основе изученных фактов вывод о значимости существования разговорной лексики, выявить специфику нестандартного способа перевода романа и определить, на чем основана необходимость переводчика прибегнуть к транслитерации. Научная новизна обусловлена тем, что впервые были скомпилированы в одной работе анализ этимологии надсата и принципы художественного перевода произведения на русский язык. Полученные результаты показали роль новояза в динамике сюжета, а также важную роль сленга в языке в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/58.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 291-296. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.58>

Дата поступления рукописи: 28.04.2020

Данное исследование основано на романе Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин», написанном в 1962 году. **Цель исследования** – составить на основе изученных фактов вывод о значимости существования разговорной лексики, выявить специфику нестандартного способа перевода романа и определить, на чем основана необходимость переводчика прибегнуть к транслитерации. **Научная новизна** обусловлена тем, что впервые были скомпилированы в одной работе анализ этимологии надсата и принципы художественного перевода произведения на русский язык. **Полученные результаты** показали роль новояза в динамике сюжета, а также важную роль сленга в языке в целом.

Ключевые слова и фразы: сленг; транслитерация; Бёрджесс; «Заводной апельсин»; разговорная лексика.

Кузнецова Елена Валерьевна

Российский университет дружбы народов, г. Москва
cnnxpln@gmail.com

Функционирование молодежного сленга в оригинале романа Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» и его переводах на русский язык

Проблема отцов и детей, или её более емкий англоязычный термин “Generation gap”, еще во времена Тургенева была насущной темой для бурных дискуссий и споров. **Актуальность** данной темы обусловлена тем, что сленг является неотъемлемой и динамичной частью языка. Одни сленговые выражения закрепляются в языке, в то время как другие забываются практически сразу, в чем можно убедиться на простом примере: далеко не всегда сорокалетний поймет, о чем говорят подростки, даже если речь идет не о специфичных интересах младшего поколения, а о заурядном обсуждении повседневных дел. Причиной является использование молодежью сленга.

В ходе исследования необходимо решить следующие **задачи**:

1. Изучить и проанализировать актуальную информацию о роли обценной лексики в современном языке.
2. Определить роль и значимость молодежного сленга в романе «Заводной апельсин».
3. Провести сравнительный анализ оригинала романа и его перевода на русский язык.

В данной работе использовались следующие **методы исследования**:

1. Теоретический анализ литературных источников, научных публикаций, их изучение и обобщение.
2. Эмпирический – сравнение оригинала романа и его перевода на русский язык.
3. Метод сплошной выборки.

Теоретическая база исследования состоит из трудов отечественных и зарубежных авторов в области лингвистики [1; 5-8; 13], справочных изданий и работ Энтони Бёрджесса. Роман “A Clockwork Orange” Энтони Бёрджесса и его переводы на русский язык выступили в качестве материала исследования.

Практическая значимость данной исследовательской работы заключается в возможности использовать результаты исследования в курсах по стилистике как русского, так и английского языка, так как в ней скомпилированы работы о происхождении и разновидностях понятия «сленг».

Термин «сленг» имеет множество определений, и различия в трактовках обусловлены различиями в направлениях исследований и их проблематики. Впервые это слово было зафиксировано в английских текстах XVIII века в значении «оскорбление», а уже впоследствии термин стал общеизвестным обозначением просторечной лексики низших слоев населения. Он обрел популярность в английской лексикографии начала XIX века и претерпел изменения в своем понимании. Изначально под словом “slang” подразумевались слова, отклоняющиеся от установленных грамматических норм, будь то фонетические, морфологические, лексические или синтаксические девиации. Однако на сегодняшний день, согласно “Glossary of Linguistic Terminology”, данный термин имеет следующее определение: “Slang – a variety of speech characterised by newly coined and rapidly changing vocabulary, used by the young or by social and professional groups for ‘in-group’ communication and thus tending to prevent understanding by the rest of the speech community” [13, p. 210], то есть разновидность речи, характеризующаяся быстро изменяющимся лексическим составом, используемая молодыми людьми, социальными или профессиональными группами для общения внутри группы, стремящимися таким образом предотвратить понимание их речи другими носителями языка. Иными словами, это лексикон социально или профессионально обособленной группы, противопоставленный литературному.

Существует и не менее интересное, уходящее в психологическое направление в языкознание определение, описанное датским лингвистом Отто Есперсоном: «...сленг – форма речи, которая обязана своим происхождением желанию человеческой особи отклониться от обычного языка, навязанного нам обществом» [Цит. по: 5, с. 107]. По мнению ученого, основной импульс в создании сленга – это «некое чувство умственного превосходства» и «желания позабавиться» с языком, и большинство английских лексикологов того времени были с ним согласны.

Говоря о советских исследованиях в области английской лексикологии, необходимо обратиться к концепции Г. А. Судзиловского, в которой он делит сленг на две группы:

1) общеупотребительную и общеизвестную лексику различного происхождения, но имеющую широкую сферу употребления;

2) лексику, употребляемую в более или менее узкой сфере и связанную с различными социальными группами [Цит. по: Там же, с. 108].

Первая группа напоминает характеристику разговорной лексики, в то время как вторая группа явно описывает понимание жаргона. В дальнейшем изложении Судзиловский смешивает такие понятия, как «сленг», «жаргон», «разговорная лексика» и «просторечие», внося теоретическую путаницу в определения этих терминов. Такие заблуждения достаточно распространены, о чем свидетельствует разнообразие в определениях, ведь каждый термин обладает несколькими значениями, и ученые расходятся во мнениях об их точности. Но большинство из них сходятся на том, что сленгу нет места в литературном языке.

Необходимо отметить, что в отечественной социолингвистике термины «сленг» и «жаргон» тождественны в контексте молодежного языка, а сам термин «жаргон» даже принимает негативный оттенок, если не относится к языку молодежи. Это связано с проникновением тюремного жаргона в «школьный язык» в первой половине XX века, обусловленным повсеместными реформами в образовании и последствиями таких исторических событий, как революция и гражданская война. Именно тогда речь молодежи обеспокоила лингвистов и стала предметом научных исследований. Позднее, помимо тюремной лексики, в язык молодежи внедрили такие жаргоны, как военный и компьютерный, а отдельно хотелось бы выделить жаргон субкультур – хиппи, панков, рокеров, готов и так далее, речь которых явно указывает на их принадлежность к определенной субкультуре.

Большинство современных работ отечественных лингвистов направлено на выявление значимости молодежного сленга, изучение его как культурного феномена и в целом его функционирование в различных социальных группах. Кроме того, насущной темой является возможность выявления языковой личности подростка на основании употребляемой им лексики и анализ вариативности жаргонных единиц в зависимости от возрастной группы, пола и территории проживания носителей. Также лингвисты обращают особое внимание на процесс словообразования и семантику жаргонизмов (отдельным пластом изучения является жаргонная фразеология) и определяют людей, его употребляющих, как представителей субкультур (либо контркультур).

Как и все социальные диалекты, молодежный сленг функционирует, опираясь не только на лексикон, основанный на словарном составе национального языка, но и на его фонетические и грамматические структуры.

Помимо того, возникновение сленга напрямую связано с историческими событиями государственных масштабов, следовательно, в разных языковых культурах формировались свои пути развития сленга. Например, на территории СССР в XX веке были отмечены три волны бурного развития сленга, когда популярность нелитературной лексики была на пике среди молодежи. Первая вышеупомянутая волна – постреволюционная, привнесшая тюремную лексику в словарный запас школьников. Вторая волна – 50-е годы, годы «стиляг». Третья же волна пришлась на застойные 70-80-е годы, когда дух молодежного бунтарства породил такие субкультуры, как позаимствованные у запада «панки», абсолютно не похожие на них, хоть и тоже навеянные западом «хиппи», противопоставленные им подмосковные «люберы» и масса других контркультурных «андерграундных» неформальных течений. Сейчас же к концу XX – началу XXI века с развитием компьютерных технологий и массивным влиянием западной моды и культуры мы наблюдаем четвертую – постсоветскую – волну популярности молодежного сленга. В противовес русскоязычному сленгу, образовавшемуся лишь в XX веке, можно поставить образование сленга в Великобритании, которое началось еще в XVIII веке, в эпоху колонизации, где большую роль сыграло освоение Индии, Австралии и Северной Америки.

Формирование «словаря» зачастую происходит по правилам, свойственным языку-прародителю. Ниже представлены некоторые способы образования сленга, актуальные в наши дни:

1. **Применение иноязычных заимствований.** Самый распространенный и широко используемый способ. Именно на иноязычном заимствовании строится сленг «надсатых» в романе Бёрджесса, где русские просторечные слова заимствуются английской неблагополучной молодежью: *koresha* – кореша (друг), *kisa* – киса (девушка), *grablya* – грабля (рука). В современном русском языке среди сленговых слов главенствуют англоязычные заимствования, что напрямую связано с развитыми IT-технологиями, ведь английский – язык Интернета, да и поп-культуры в целом. Причем английские слова гипертрофируются, подчиняясь грамматическим правилам русского языка. Пример: «мы с ним давние френды» (*friend* – англ. «друг» + окончание множественного числа «Ы»). Здесь же вступает в силу механизм деривации – «френдушка», «френдовый», «расфрендить» и так далее.

2. **Аффиксация.** В основном используется общеупотребительный суффикс *-ов*, прибавляемый к иностранному корню: «олдовый» (*old* – старый), «брендовый» (*brand* – марка).

3. **Метафорика.** Способ, не нуждающийся в заимствовании иностранных слов, основывающийся на метафорах и метонимиях: «колесо» (таблетка), «обезьянник» (КПЗ), «травя» (марихуана).

4. **Фонетическая мимикрия:** «шпора» (шпартгалка), «батон» (*button* – кнопка).

5. **Универбизация или сокращение:** «академ» (академический отпуск), «матан» (математический анализ).

6. **Топонимика.** Сленговые обозначения городских локаций: «пушка» (Пушкинская площадь), «трех-свят» (Большой Трехсвятительский переулок), «плажка» (станция метро Планерная) [1, с. 34-35].

Э. М. Береговская отмечает, что во всех случаях, когда мы встречаемся со сленгизмами не в словаре, а в живой речи, это речь не жаргонная, а лишь жаргонизированная – отдельные включения сленгизмов на фоне нейтральной или фамильярной лексики [Там же, с. 36]. Так что использование сленга вовсе не означает принадлежность к субкультуре или низкий уровень образованности, как зачастую считают старшие поколения. Более того, англизированность речи в большинстве случаев говорит о знании иностранного языка и наличии определенного уровня образования, вопреки расхожему мнению.

Существует много понятий, описывающих лексику, отклоняющуюся от общеупотребительных норм. Зачастую понятия настолько схожи, что различия в терминах едва уловимы.

В контексте языка молодежи, по утверждению филолога Е. А. Полехиной [9, с. 180], понятия «сленг» и «жаргон» практически тождественны. В более обширном понимании, жаргон, в отличие от сленга, – прерогатива социальных групп, относящихся, например, к профессиям, речь которых наполнена большим количеством свойственных только этой социальной группе выражений или слов. Здесь можно упомянуть и **арго**. Это тоже язык замкнутой социальной группы, но отличие от жаргона связано с полной заменой общеупотребительной лексики, которая при этом не обладает ни независимой грамматической системой, ни отличающейся фонетикой. Сленг же описывается как нечто менее изолированное и обособленное. Он более широк в использовании, но нормы его употребления также не соответствуют нормам литературного языка. Словарный состав сленга непрерывно обновляется, что свойственно молодежной среде, в связи с чем чаще всего сленг ассоциируется именно с молодежным наречием.

Общественная лексика содержит в себе нецензурные выражения, брань или мат. Причем ненормативный лексический состав включает и не матерные слова разной степени табуированности. Такая лексика признана запрещенной к свободному употреблению в средствах массовой информации и в среде теле- и радиокommunikаций. Хотя в современной литературе употребление ненормативной лексики практикуется, и печатные издания находятся в продаже с обязательным предупреждением на обложке о наличии нецензурной брани и возрастным ограничением для читателя.

Подробно рассмотрев определения терминов, относящихся к языку возрастных или иных социальных групп, можно прийти к выводу, что единого мнения в характеристиках нет. Претенциозно стремительное развитие и все большая популяризация сленга среди школьников и студентов вызывают негодование у старшего поколения и интерес у ученых. Молодежному сленгу, как и любому субъязыку, присуща размытость границ. Вопреки стереотипным мнениям о «загрязнении» общепринятых норм языка сленгом и жаргоном, слова, отличающиеся от каноничных литературных, отнюдь не оказывают паразитическое влияние на развитие языка, а наоборот, являются необходимой частью системы. Они представляют огромный интерес для лингвистов, которые, благодаря сленгизмам и жаргонизмам, имеют возможность наблюдать естественное развитие языка, беспрепятственно выходящее за рамки установленных языковых традиций.

Создавая роман «Заводной апельсин», Энтони Бёрджесс экспериментировал с языком, виртуозно добавляя большое количество иностранных слов в речь англоговорящих подростков, сформировав таким образом целый вымышленный язык – «надсат». Поскольку Бёрджесс, помимо своего родного языка – английского, владел еще русским, испанским, итальянским, немецким, японским и валлийским, ему не составило труда осуществить свою задумку, заимствуя слова преимущественно из незнакомого англоязычному читателю русского. Как утверждал сам автор, его выбор пал на русский язык исключительно из-за музыкальных особенностей русского языка, потому что англизация русских слов звучит странно, придавая речи персонажей иронический эффект, и никаких политических предпосылок за этим выбором не стоит. Кроме того, в автобиографии [12] он писал, что русские заимствования вписываются в английский язык гораздо лучше заимствований из других европейских языков, которыми он владел. Однако у переводчика «Заводного апельсина» В. Бошняка сложилось иное мнение. Он предполагал, что русский жаргон в надсате – не что иное, как аллюзия на влияние «коммунистической империи зла» [3, с. 251]. Бёрджесс же эту точку зрения категорически отрицал [10].

Само название «надсат» (в оригинале “nadsat”) является транслитерацией русского суффикса «надцать», используемого для обозначения порядковых числительных от 11 до 19, по аналогии с английским “teen”, используемым в числах от 13 до 19. В английском языке “teens” – сленговое сокращение от “teenager” (подросток), отсюда и происходит “nadsat” – русский транслитерированный суффикс, обозначающий принадлежность к возрастной группе подростков, ставший, кроме того, названием и их арго, образованного способом иноязычного заимствования, что особенно характерно для представителей молодежи [7, с. 79]. Как и в любом арго, надсат не затрагивает саму грамматическую систему английского языка, а лишь вводит в него слова, неизвестные человеку, знакомому с этим наречием. Поскольку надсат – устный язык, его лексический состав представляет собой русские (в большинстве своем разговорные или просторечные) слова, записанные латиницей, часто гипертрофированные. Помимо русских, встречаются и сленговые слова из немецкого, французского, малайского (Бёрджесс некоторое время жил и работал в Малайской Федерации) и даже цыганского языка, а также кокни – лондонский диалект – и авторские неологизмы (окказионализмы).

В оригинале романа прослеживаются несколько способов словообразования сленгизмов:

1. Заимствование русских корней. Русские транслитерированные слова, к которым присоединяются английские флексии в соответствии с грамматикой языка основы надсата – английского: *crasting* – глагол «красть» + герундий *-ing*; *zobies* – существительное «зубы» (*zuby*) + окончание множественного числа *-ies*.

2. Сокращенные слова. У многих глаголов усекаются окончания: *smot* – *смотреть*. У имен существительных и имен прилагательных сокращению подвергаются не только окончания, но и суффиксы: *biblio* – *библиотека*.

3. Дробление слов: *stari kashka* – *старикашка*. Возможно употребление только части слова с неизменным смысловым наполнением.

4. Слияние русских и английских морфем в одном слове, а именно присоединение к русскому корню английского: *glazzballs* – *глаз* + *balls*.

5. Заимствование корней из других языков или иностранные слова, записанные латиницей: *shlaga* – немецкое слово *Schläger* (клуб).

6. Окказионализмы, созданные на основе английского языка, но не соответствующие его грамматическим правилам и используемые только в контексте произведения: *staja* – образовано путем сокращения *State Jail* (государственная тюрьма) [6, с. 285].

Говоря о самом названии романа, в оригинале звучащем как “A Clockwork Orange”, нельзя не отметить, что на него тоже оказал влияние сленг. Сам Энтони Бёрджесс дает происхождению такого неоднозначного названия несколько объяснений. В интервью 1972 года для телепрограммы “Camera Tree” Бёрджесс рассказал, что в 1945 году в лондонском пабе он подслушал разговор двух людей, говорящих на явном кокни, и один из них произнес фразу “as queeg as a clockwork orange”, что можно перевести как «кривой, как заводной апельсин». Писателю запомнилось такое яркое словосочетание, в связи с чем он захотел сделать его названием книги. Этот фразеологизм был широко распространен среди жителей западного Лондона, поэтому для них смысл названия отличался от изначально заложенного автором. Для Бёрджесса «заводной апельсин» – оксюморон, то есть сочетание несочетаемого. Соединение органического, живого, сладкого с механическим, холодным и дисциплинированным [10].

Второе объяснение названия связано с малайским языком, в котором “orang” переводится как «человек», о чем упоминает Бёрджесс в предисловии к первому изданию романа на русском языке [2, с. 3]. Такой каламбур отражает подтекст самого романа и подталкивает к размышлениям о проблеме, поднятой Бёрджессом в его романе, связанной с гуманностью исправления человеческой сущности и сравнения его с механизмом. Поскольку помимо персонажей, представляющих субкультуру надсатых и разговаривающих на свойственном им языке, в романе присутствуют и представители старших поколений, не понимающие жаргонной речи подростков, читатель может наблюдать стороннюю оценку молодежной лексики внутри произведения. Подобные комментарии позволяют читателю глубже погрузиться в сюжет, поверить в реальность существования надсата, а также сильнее прочувствовать недопонимание между «отцами» и «детьми», ведь они буквально «говорят на разных языках». В тексте встречается оценочное мнение второстепенных персонажей романа со стороны, не относящихся к «надсатым»:

– *Quaint, – said Dr Brodsky, – like smiling, the dialect of the tribe. Do you know anything of its provenance, Branom?*

– *Odd bits of old rhyming slang, – said Dr Branom, who did not look quite so much like a friend any more. – A bit of gipsy talk, too. But most of the roots are Slav. Propaganda. Subliminal penetration* [11, p. 85]...

– *Эк ведь загнул, – покачал головой доктор Бродский, улыбаясь одними губами. – Язык племени мумба-юмба. Вам что-нибудь известно о происхождении этого наречия, а, Браном?*

– *Да так, пожал плечами доктор Браном, который уже не строил из себя моего закадычного друга. – Видимо, кое-какие остатки старинного рифмующегося арга. Некоторые слова цыганские... Н-да. Но большинства корней славянской природы. Привнесены посредством пропаганды. Подсознательное внедрение* [3, с. 251]...

В отрывке представлен разговор двух ученых, незнакомых с молодежным сленгом. Для них это «язык племени», язык дикарей, необразованных подростков, несущих насилие и, по их мнению, подверженных коммунистической «пропаганде».

Функция же, заложенная автором при изобретении надсата, не только художественная, но и иллюстративная. По задумке Бёрджесса, англоязычный читатель после прочтения 15-20 страниц романа привыкнет к нестандартному стилю повествования, перестанет задумываться о значении сленгизмов и начнет понимать их интуитивно, исходя из контекста. А после прочтения книги до конца станет обладателем базового словарного запаса «надсатых». То есть читатель частично прочувствует на себе те манипуляции над сознанием, которым подвергался герой «Заводного апельсина» во второй части произведения.

Из-за нестандартности оригинального текста остро стоит вопрос перевода романа на иностранные языки. Как переводчику адаптировать жаргонный надсат таким образом, чтобы он не утратил своих особенностей и выразительных черт? Особый интерес представляет перевод на русский язык в связи с тем, что базисом для образования лексики надсата послужил именно русский. Стоит отметить, что «Заводной апельсин» подвергался переводу на русский язык дважды, и работы кардинально отличаются друг от друга. В переводе Е. Синельщикова также используется транслитерация, но обратная, без латиницы. Переводчик принял решение заменить русские слова английскими и написать их кириллицей, «зеркально» оригиналу: «*Мы сидим в молочном баре “Коровяка”, дринкинг, и токинг, и тинкинг, что бы такое отмочить, чтобы этот прекрасный морозный вечер не пропал даром. “Коровяка” – место обычной нашей тусовки – плейс как плейс, не хуже и не лучше любого другого*» [4, с. 15].

Это абсолютно разрушило авторский план, согласно которому читатель совершенно не должен быть знаком со сленгом, что в условиях интернациональности английского языка невозможно. Гораздо точнее и, с точки зрения авторского замысла, правильнее поступил В. Бошняк, переведя на русский язык только английские слова, а надсат оставив на латинице, подстроив его грамматически, то есть согласовав по родам, числам и падежам, по аналогии с оригиналом, где Бёрджесс добавлял суффиксы к заимствованным словам в соответствии с требованиями грамматики английского языка [8, с. 121]. В дополнении к русскоязычному изданию

«Заводного апельсина» В. Бошняк [3, с. 252] отмечает, что при переводе он сразу исключил возможность «зеркальной» замены русскоязычного жаргона словами, по аналогии заимствованными из любого другого языка, поэтому был вынужден прибегнуть к выделению в русском тексте жаргонизмов латиницей для демонстрации их перенесенности из оригинального текста. Кроме того, этот прием помог более резко и ярко выделить жаргонные слова среди русского текста.

В отличие от автора, переводчик гораздо реже использует сленг, объясняя это искусственностью транслитерации и нежеланием ею злоупотреблять, что, конечно, упрощает восприятие текста. В целом, в переводе используется небольшой набор сленгизмов, регулярно повторяющихся. Помимо этого, переводчик создает свои собственные слова надсата, исходя из контекста: "...*Dim smecked his head off near*" [11, p. 14]. На примере этого предложения видно, как Бёрджесс «изобретает» надсат: к русскому имени существительному «смех» прибавляет окончание прошедшего времени *-ed*, превратив существительное в глагол, и транслитерирует слово, используя латинские буквы. Эту же фразу переводчик адаптировал следующим образом: «Тём чуть *bashku* себе, на них глядя, не *othohotal*» [3, с. 11]. Здесь, помимо адаптации сленгизма из оригинала, мы видим и другое сленговое слово, транслитерируемое В. Бошняком, посчитавшим такой вариант перевода более понятным для восприятия читателям.

Стоит отметить, что позднее переводчик не выделяет это слово как сленг: «...и старина Тём на заднем сидении чуть *bashku* себе не *отхохотал*» [Там же, с. 27]. Вероятно, решение переводчика транслитерировать слово «отхохотал» единожды связано с текстом оригинала, ведь во втором случае автор использует не сленговое "smeched", а классическое "laughed", но такой прием, очевидно, вводит читателя в заблуждение.

Безусловно, Энтони Бёрджесс создал полноценный, очень самобытный, сильно отличающийся от подобных ему синтетических языков сленг, заставляющий читателя с головой погрузиться в атмосферу криминальных улиц антиутопичной Великобритании. Смесь славянских корней и английской грамматики может казаться абсурдной с первого взгляда, но к середине романа жаргонизмы начинают казаться вполне естественными и органичными, а к концу они вообще перестают замечаться русскоязычным читателем. Будучи полиглотом, автор виртуозно придает славянским корням гротескную форму, обыгрывая их на фоне подрастковой инфантильности вкупе с желанием выделяться и отличаться даже посредством языка.

Переводчику же, перед которым стояла нелегкая задача адаптировать настолько нестандартный текст, в свою очередь, удалось сохранить атмосферу произведения, а его перевод вполне отвечает требованиям передачи коммуникативного эффекта исходного текста.

Подводя итог, мы приходим к следующему **выводу**, что сленг, жаргон, арго и обценная лексика всегда будут иметь место в языке, и они вполне имеют право на жизнь. Такие отклоняющиеся от общепринятых норм явления в языке отнюдь не «загрязняют» язык, ведь, как правило, вне присущих им социальных групп они не употребляются, следовательно, влияния на языковые правила не оказывают. Сленг, как и язык, подвержен изменениям, а за его развитием наблюдать крайне интересно с точки зрения лингвистики, особенно в разрезе современной литературы. Результаты данного исследования в дальнейшем помогут изучить словарный состав, употребляемый отдельными социальными пластами или субкультурами, отраженными в трудах как российских, так и зарубежных писателей, а также особенности перевода таких произведений.

Сленг в романе «Заводной апельсин» Энтони Бёрджесса, известный как «надсат», непрост как с точки зрения восприятия прочитанного, так и с точки зрения адаптации текста переводчиком, ведь перед ним стояла задача не только перевести роман, но и сохранить функции надсата согласно авторской идее, с чем В. Бошняк справился. На основе данной работы можно сформулировать вывод о важности роли надсата как неотъемлемой части романа «Заводной апельсин» с его антиутопичной вселенной, раскрывающей личность главного героя и авторский замысел в целом.

Список источников

1. Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32-41.
2. Бёрджесс Э. Заводной апельсин / пер. В. Бошняка. Л.: Художественная литература, 1991. 160 с.
3. Бёрджесс Э. Заводной апельсин / пер. В. Бошняка. М.: АСТ, 2014. 256 с.
4. Бёрджесс Э. Заводной апельсин / пер. Е. Синельникова // Юность. 1991. № 3-4.
5. Гальперин И. Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания. 1956. № 6. С. 107-114.
6. Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В. Лексика города (к постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке / ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1982. С. 282-294.
7. Копыленко М. М. О семантической природе молодежного жаргона // Социолингвистические исследования. М.: Наука, 1976. С. 79-86.
8. Луккина В. М. К вопросу о возможности перевода: философские и лингвистические аспекты проблемы переводимости (на материале романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» / "A Clockwork Orange" и его переводов на русский язык) // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 116-121.
9. Полехина Е. А. Молодежный жаргон как объект лингвистического исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 180-183.
10. Anthony Burgess and Malcolm McDowell interview on "A Clockwork Orange" [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=HcdhqWs2Uwg&list=PL-50CoHF1wOfkAanFBO-UgJ5u_CXdxFXr&index=40&t=0s (дата обращения: 10.04.2017).
11. Burgess A. A Clockwork Orange. L.: Penguin Books, Ltd., 2001. 167 p.
12. Burgess A. You've had your time. L.: Random House, 2014. 416 p.
13. Pei M. Glossary of Linguistic Terminology. N. Y.: Columbia University Press, 1966. 315 p.

Functioning of Youth Slang in Anthony Burgess's Original Novel "A Clockwork Orange" and Its Translation into the Russian Language

Kuznetsova Elena Valer'evna

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
cnntxpln@gmail.com

The study is based on the novel "A Clockwork Orange" written in 1962 by Anthony Burgess. The aim of the research is to draw a conclusion about significance of colloquial vocabulary basing on the considered facts, to identify specifics of the original way of translating the novel and to determine what drove the translator to resort to transliteration. The study is novel in that it is the first to combine the analysis of Nadsat etymology and the principles of literary translation of the novel into Russian in one work. The research findings have revealed the role that the newspeak plays in the plot dynamics, as well as the important role that slang plays in a language as a whole.

Key words and phrases: slang; transliteration; Burgess; "A Clockwork Orange"; colloquial vocabulary.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.59>

Дата поступления рукописи: 17.05.2020

Статья посвящена сопоставительному исследованию риторических особенностей политического дискурса на материале русского и французского языков. Цель исследования заключается в выявлении и последующем сопоставлении структурных и языковых особенностей риторических высказываний из сферы политического дискурса. Научная новизна исследования состоит в проведении комплексного контрастивного изучения текстов выступлений политических лидеров на неблизкородственных языках с позиций теории риторической аргументации. Полученные результаты показали, что ораторы по-разному задействуют потенциал риторических фигур и привлекаемых для их вербализации языковых ресурсов.

Ключевые слова и фразы: риторика; теория риторической аргументации; политический дискурс; французский язык; русский язык.

Плетнева Ольга Дмитриевна

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
pletneva-od@yandex.ru

Современный политический дискурс в аспекте теории риторической аргументации: на материале текстов выступлений В. В. Путина и Э. Макрона

Риторика как искусство речи зародилась еще в эпоху греческой античности [8, с. 4]. По мере совершенствования аппарата логики шло и его риторическое оформление, и складывалась теория риторической аргументации [6, с. 51]. О всеобщности риторики пишет еще Аристотель в своем одноименном трактате: «Риторика – искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к какой-либо отдельной науке» [1, с. 59]. В условиях современного общества массовых коммуникаций, обеспечивающих мгновенное распространение любой информации – как истинной, так и ложной, – именно владение механизмами риторической аргументации позволяет оратору облекать мысли в речевую форму, соответствующую его целям. Дискурс уже не рассматривается как совокупность знаков, а как практики, постоянно образующие объекты, о которых они говорят [4, с. 20; 10]. Он обретает властную природу, состоящую в способности конструировать социальную реальность [5, с. 146]. Поэтому риторическое наследие, пройдя фильтры многих эпох, адаптируется к нуждам текущей социокультурной ситуации [11, с. 4]. В этой связи исследование дискурсивных практик современных политических деятелей сквозь призму теории риторической аргументации представляется особенно **актуальным**: оно позволяет выявить лежащие в основе этих практик речевые механизмы и привлекаемые для их реализации языковые средства, позволяющие продуцировать дискурс, предопределяющий развитие геополитической ситуации и расстановку сил на международной арене.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) проанализировать и обобщить имеющиеся данные о структуре риторического высказывания;
- 2) исследовать структуру риторических высказываний ораторов в сопоставительном аспекте;
- 3) выявить особенности языкового оформления ключевых элементов текстов выступлений;
- 4) охарактеризовать наиболее частотные приемы, используемые для выражения ораторской интенции;
- 5) определить функцию языковых средств, используемых для реализации дискурсивных механизмов ораторов.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей в области теории риторики, в числе которых Аристотель, А. А. Волков, Л. Олбрехт-Тытека, Х. Перельман, Ю. В. Рождественский, А. П. Сковородников, М. И. Тарасов, М. Фуко, Г. Г. Хазагерев.